

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44
Д46

Izara 2: Stille Wasser
© 2019 by Planet! in the Thienemann-Esslinger Verlag
GmbH, Stuttgart.
By Julia Dippel (author)
Cover design by Carolin Liepins

Диппель, Юлия.
Д46 Тихий омут / Юлия Диппель ; [перевод с немецкого И. А. Офицеровой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с. — (Young Adult. Изара).

ISBN 978-5-04-105535-6

Я Изара. Бессмертное пламя. Неугасимая звезда. Я изменю этот мир. В лучшую или... худшую сторону.

Теперь, когда все бессмертные знают правду об Ариане, на нее открыта охота. Разумеется, завладеть вечной душой желает каждый. Ариана находится под защитой могущественной Плеяды. Но даже они не представляют, какой секрет скрывает девушка. Если правда выйдет наружу, Ариана будет обречена. И помочь ей, как ни странно, может лишь само зло во плоти...

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

© Офицера И. А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-04-105535-6 ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

КОШМАР СВЕКРОВИ

Я чувствовала себя целой. Здесь, в своей крошечной, загроможденной картонными коробками комнате с единственной лампочкой, я чувствовала себя целой — потому что он был рядом. Прикосновения его губ к моим заставляли меня забыть, что надо мной висят дамоклов меч. Уже почти две недели весь мир бессмертных знал, что я Изара. Бессмертное пламя. Неугасимая звезда. Душа, которая подарила бы праймусу бесконечную силу. И тем не менее все вели себя на удивление спокойно. Ни Лига, ни изменники или лидеры корпорации «Омега» не пытались меня убить.

М-да, тот факт, что я беспокоилась из-за отсутствия покушений на свою жизнь, доказывает, насколько фиговой эта жизнь стала. На деле же в настоящий момент кое-что отвлекало меня от размышлений на эту тему.

Люциан оторвался от моих губ и заглянул мне в глаза. Я утонула в бездонной зелени его глаз. От него пахло прохладным дождем и бушующим морским прибоем. Нет, не только. Каждой своей клеточкой я ощущала его бессмертную энергию. Он был солнцем, пробивающимся сквозь пелену облаков. Он был ветром, заставляющим волны разбиваться о скалы. Он был моим летним морским штормом.

— Как прошел твой день, малышка?

Его голос прозвучал не громче бархатистого шепота, а учитывая невероятное приветствие, я смогла только глуповато улыбнуться в ответ.

— Не всё так сразу, — ухмыльнулся он. Матрас под нами прогнулся, пока Люциан устраивался поудобнее. Потом он выжидательно взглянул на меня.

— Ну хорошо, — я начала считать, отгибая пальцы на ладони. Большой. — Благодаря Викториусу и его семейному завтраку я чуть не опоздала на математику. — Наш новый сожитель оказывал негативное влияние на мою маму, и это значило, что у нас появилось определенное и обязательное время приема пищи. «И кому это, простите, надо?!» Кроме того, я никак не могла привыкнуть наблюдать, как бывший отмеченный главного босса потустороннего мира праймусов готовит блинчики.

Указательный палец.

— Мой тест по химии оказался ужасным. Нагоняй от мамы я за это уже получила, поэтому тебе нужно срочно мне посочувствовать и вступить в клуб «Кому вообще нужна химия».

— Химия? Это не что-то там про гормоны? — Рука Люциана переместилась на мою талию и притянула меня ближе. — Даже не знаю, хочу ли от нее отказываться...

Он уткнулся в изгиб моей шеи, так что от его дыхания стало щекотно, и я захихикала. Как будто защищаясь, я его отпихнула.

— Эй, или романтика, или итоги дня. Выбирай!

Втайне я надеялась, что он согласится на первое, но Люциан откинул с лица непослушные волосы и с убийственно серьезным выражением на лице заявил:

— Химию определенно переоценивают.

Он вбил себе в голову, что должен узнать меня «по-нормальному» и стать частью моей жизни. Как назло, по этой части существовал маленький препятствующий закон, который включал в себя мою казнь, в случае если кому-то станет известно о наших отношениях. Поэтому Люциану приходилось довольствоваться тайными встречами, во время которых он выпытывал у меня мельчайшие подробности прошедшего дня. Честно говоря, я подзревала, что на самом деле он никогда не спускает с меня глаз и наверняка знает, как прошел мой день, лучше меня самой. Но он хотел выслушать это лично от меня, и я это ценила.

Средний палец. «Какое совпадение».

— На обеденном перерыве поднялся большой шум, когда Дениз и Дорис одновременно споткнулись и опрокинули стол с салатами.

— Побрякушки ДД?

Я заулыбалась. Клички моих ненаглядных врагов в его устах — бальзам по сердцу.

— Может быть, Тоби им слегка в этом помог. В конце концов, эти двое обозвали Лиззи фламинго с пристрастием к ведьмакам.

Теперь Люциан тоже улыбнулся:

— Понимаю.

Бесшабашный колдун и моя лучшая подруга были не только главной темой для обсуждения, но и самой сладкой парочкой в лицее. Настолько сладкой, как если бы вам, рискуя заработать диабет, приходилось каждый день съедать по три килограмма карамели.

Безымянный палец.

— Еще я справилась со своей первой независимой печатью. — Лицо Люциана прояснилось. Независимые

печати, которые — смотря по обстоятельствам — рисовали в воздухе или на предметах, представляли собой сложную комбинацию из узоров, символов и заклинаний. Чтобы ими пользоваться, не нужно быть праймусом, поэтому они — важнейшая из основ обучения охотников. Также они были довольно запутанными и опасными, потому что малейшая ошибка могла повлечь за собой серьезные последствия.

— И, — я завершила подсчет и вытянула мизинец, — на тренировках я выяснила, что стрелок из меня никудышный. Огнестрельное оружие — это просто не мое. Для него я слишком...

Меня перебила поднятая рука Люциана. Почти в тот же миг кто-то энергично постучал в дверь.

— Ари! — мамин голос звучал так, словно я в чем-то провинилась. «Самое неподходящее время».

Я схватила с ночного столика книгу и легла в такую позу, чтобы в качестве алиби притвориться, что читала.

Люциан все еще лежал рядом со мной.

— Тебе надо исчезнуть! — зашипела я на него. Ну или что бы он там ни делал, когда растворялся в воздухе, сейчас для этого самое время.

— Не могу, — спокойно проговорил он.

— Что значит, ты не можешь?! — Если мама его тут увидит, домашний арест станет наименьшей из моих проблем. Я вскочила с кровати. В ту же секунду дверь распахнулась, и передо мной выросла мама — как богиня возмездия во фланелевом халате. Она зажгла свет. Замечательно! Так мне было еще лучше видно, как цвет ее лица тревожно, будто в поездке на американских горках, меняется от ярко-красного до белоснежного и обратно.

— Так я и знала, — процедила она. Ее взгляд выхватывал каждую деталь. Раскрасневшиеся губы, короткая ночная рубашка, смятое покрывало и безумно привлекательный бессмертный на нем. По крайней мере, одетый.

— Как ты только можешь? — выдавила она. Ее глубокий шок сработал как пробка в бутылке шампанского, которое слишком сильно взболтали. Пока еще он сдерживал ее и ее упреки от взрыва, но долго это не продлится.

— Мама! Я совершеннолетняя. Я могу делать, что...

— Ты обжимаешься с демоном! В стенах моего дома?! И это после всего, что с нами сотворил твой отец?

Началось.

— Годами это нечеловеческое чудовище ковырялось у меня в голове. Он использовал меня!

— Мама, пожалуйста!

— Этот демон похитил меня и издевался надо мной, но все это меркнет на фоне того, что он посмел столько времени прикидываться моим мужем!

— Мам, мы же это уже обсуждали! — А точнее, я убеждала ее, что жизненно важно не разбалтывать эту тайну всему миру.

Ведь в Плеяде думали, что Танатос мертв, и верили, что за решеткой тем временем гниет мой приемный отец, шеф «Омеги», Уилсон Харрис. Лишь те, кто участвовал в миссии в Амстердаме, были в курсе взрывоопасной истины: мой бессмертный отец Танатос занял тело Харриса, но сейчас — благодаря мне — снова стал очень даже смертным.

Ну что тут скажешь? Всё сложно...

Но это была единственная возможность сохранить еще более опасный секрет. В конечном итоге встал бы

вопрос, как у меня получилось превратить праймуса в человека. А на этот вопрос у меня пока не было ответа.

— Он чуть меня не убил. Он чуть тебя не убил. А с Уилсоном он довел дело до конца!

— Не так громко, мам! — Может, наша квартира и защищена от сверхъестественной прослушки, но если она и дальше продолжит так орать, об этом узнает весь лицей.

— Он убил Уилсона и притворился твоим отцом...

— Он и есть мой отец! — огрызнулась я и добилась только того, что мама в ужасе втянула воздух и сменила тактику.

— Золотце. Не говори такие вещи, у тебя нет ничего общего с этими мерзкими монстрами. Монстрами, как он, — бросила она в сторону Люциана, — которые проникли к нам домой и внушили мне фальшивые воспоминания.

В тот момент я пожелала, чтобы Люциан все еще мог так сделать. Однако у моей мамы развился своего рода иммунитет, с тех пор как Танатос вернул ей память. Следовательно, мне пришлось обойтись обычными аргументами.

— Он спас мне жизнь!

— Это еще не причина сразу прыгать с ним в постель! Это стало последней каплей.

— Да, и почему же? Думаешь, я совершу ту же ошибку, что и ты? — Я приблизилась к ней практически нос к носу. — Тогда вынуждена тебя разочаровать: я полностью в здравом уме, а Люциан — не Танатос.

— Все они одинаковые! Они соблазняют, они лгут и предают. Вот этот вот плевать на тебя хотел. Он будет тебя использовать, пока ему будет нужно, а потом просто бросит тебя!

Люциан прочистил горло. Очевидно, он решил, что это был идеальный момент, чтобы вмешаться в разговор. В полном спокойствии он встал с кровати и подошел к маме с вытянутой рукой. Такой дружеский жест абсолютно не вязался с насмешливой улыбочкой в уголках его рта.

— Кажется, мы не представились друг другу должным образом, Беатрис. Меня зовут Люциан. Ну или, как вариант, проклятый демон, нечеловеческое чудовище или мерзкий монстр, но я предпочитаю Люциан. — Чем ближе он подходил, тем сильнее мама вжималась в дверной косяк. При других обстоятельствах его самодовольство довело бы маму до белого каления, но в данный момент у нее на лице отражалась чистая паника.

— Черт возьми, мама! Он ничего тебе не сделает. — Учащающийся пульс возвестил о начинающейся мигрени. «Неудивительно».

— Очень жаль, что вы не видите разницы между теми, кто желает вашей дочери лучшего, а кто — нет. — Пожав плечами, Люциан опустил отвергнутую мамой руку и продолжил беззаботным тоном: — С другой стороны, это объясняет, почему вы так долго не справлялись с ролью матери. Это ведь вы допустили, чтобы Харрис и Танатос регулярно ставили на Ари эксперименты, — его слова были сказаны так небрежно, но их смысл нес в себе огромную мощь. Я задохнулась от шока. Мама набрала воздуха для возмущенного ответа. Люциан сделал еще шаг к ней. — И прежде чем вы снова заведете этот разговор о контроле над разумом, будьте честны по отношению к себе самой: вы знали, что что-то не так. Инстинкты — материнские или нет — не так легко подавить. По крайней мере, праймусу.

Вот так. Люциан высказал то, для чего мне бы предварительно потребовались три года психотерапии и, вероятно, даже алкоголь.

Мама посмотрела на меня. Она не ожидала ни подтверждения, ни слов в свою защиту. Ей было стыдно. Люциан попал прямо в яблочко. Но мама не была бы мамой, если бы просто это проглотила. И не важно, кто был напротив нее — демон, белый медведь или огнедышащий дракон.

— Исчезни из моего дома! — потребовала она дрожащим голосом. На лице у Люциана появилась очаровательная улыбка.

— Я бы так и сделал, если бы вы не украсили дверь Ари этим миленьким рисунком, — он указал на несколько едва заметных линий, нарисованных на внешней стороне мой двери... прозрачным лаком для ногтей?!

Рассмотрев знак поближе, я моментально узнала, что он означал. Все-таки я сама сегодня два часа подряд вырисовывала в своем блокноте похожие символы. Независимая печать. Безукоризненно выполненная, она должна была запереть бессмертного. С открытым ртом я переводила взгляд со своей двери на маму.

— Это ты сделала?

Она упорно избегала моего взгляда.

— Мама!

Ее быстрое движение плечами, видимо, толковалось как «Ну и что?»

— Откуда ты знаешь, как это делается?

— У меня свои источники.

«Что, простите?!»

— Если тебя научил Викториус...

— Кого я чему научил? — Наш новый сосед по квар-

тире включил свет в коридоре, стаскивая на лоб атласную маску для сна. — И, ради всего прекрасного в этом мире, почему вы, ночные дебоширы, прерываете мой сон красоты?

«Господи боже». Видимо, мне проще изменить в сети графу «семейное положение» — на случай, если кто-то еще не в курсе. Мигрень, громко топая, шла ко мне широкими шагами.

— Вот этому, — сказал Люциан, кончиками пальцев дотронувшись до практически незаметной печати на двери. От прикосновения праймуса линии и символы засветились.

Викториус от удивления выпучил глаза. Он был способен только слегка качнуть головой, что являлось очень странным поведением для человека, буквально олицетворявшего слово «балабол».

— Это не я. — Его умоляющий тон показался мне таким же непривычным, как и то, что он не вставил ни единого глупого прозвища, которые обычно проскакивали у него через слово. — Поверьте мне.

Судя по всему, Люциан и так верил, потому что он кивнул с отсутствующим видом. Его пальцы прочертили прямую линию вниз, и знаки расплылись, как будто он провел рукой по свежей краске. Нарушенная таким образом печать стала бесполезной. Она сгорела и исчезла с моей двери. После этого он снова развернулся к моей матери:

— Лучше не играйте с силами, в которых не разбиваетесь, Беатрис.

— Этому же совету должна бы последовать и моя дочь, — ответила мама, на что Люциан безрадостно рассмеялся.

— Я люблю вашу дочь и от всего сердца надеюсь, что она не просто со мной играет!

Викториус ахнул. Его глаза метались между нами туда и обратно. Его мозг усиленно заработал, и я поняла, что он сложил один плюс один касательно Люциана, меня и наших теперь не таких уж и тайных отношений.

— Ах ты мать честная! Вы совсем сбрендили? — воскликнул он, бросаясь к нам через весь коридор.

— Ну хоть кто-то согласен с моим мнением, — пробурчала мама.

Викториус схватил меня за плечи:

— Мой розовый лепесточек, ты хоть знаешь, во что ввязываешься?

Бам! А вот и она — моя мигрень.

— Я думал, ты уже перешагнула через эту подростковую влюбленность!

— Ты знал об этом, Вик?! — завизжала мама, а давление на мои виски всё увеличивалось.

— Я только догадывался, мышка Трикси. Но я не предполагал, что Люциан подвергнет твою маленькую доченьку такой опасности.

— Народ, довольно! — крикнула я, стряхивая с себя руки Викториуса. — Я знаю, что это противоречит законам Лиги, но пока мы...

— Каким законам?! — допытывалась мама. Я сдавила пальцами переносицу и сделала глубокий вдох.

— Будучи брахионом, он может позволить себе интрижки, но никаких серьезных связей. Если он, конечно, не соврал — а Люциан никогда не врет, — то он обрек Ари на смерть.

Отлично, все карты раскрыты. Спасибо и на том, что Викториус не стал расписывать маме все жестокие

подробности этого закона. Она и без того была блее мела.

— Боже, Ари, о чем ты только думала, — пробормотала мама, прежде чем ее страх перерос в ярость. Подняв вверх указательный палец, она набросилась на Люциана. — Ты! Это ты виноват! Ты соблазнил мою дочь!

Я знала, что Люциан не нуждался в моей помощи, но все равно преградила маме путь.

— Мам! Если до тебя не дошло, то меня и так все хотят убить! Одним больше, одним меньше — какая разница?

— Лига еще даже и не собиралась тебя убивать, мой маленький наивный подсолнух! — прокричал Викториус. — С тех пор как они узнали, что ты Изара, они только ищут предлог забрать тебя под свою юрисдикцию. А ты преподносишь им его на блюде с голубой каемочкой!

— Не то чтобы мы ставили это своей целью. На некоторые вещи просто невозможно повлиять, — вмешался Люциан. Настойчивость в его голосе и смысл, заключенный между строк, были очевидны. Но в отличие от мамы, Викториус понял, что он имел в виду. Я носила его знак. Мы были связаны. Даже принудительное расставание не могло разорвать эти узы.

— Скажите мне, что это неправда, — выдохнул Викториус. Никто не пошевелился.

— О чем, ради всего святого, вы говорите? — Мама воздела руки к небу, пока Викториус боролся со своим самообладанием. Словно оглушенный, он поймал маму за руку и потащил ее к двери.

— Идем, мышка Трикси. Пойдем спать. Завтра будет новый день, и мы спокойно сможем решить все проблемы.